

Серия
«Школьная программа по чтению»

Александр Куприн

Изумруд

Рассказы

Издание 2-е

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
К92

Куприн, Александр.

К92 Изумруд : рассказы / Александр Куприн. — Изд. 2-е. — Ростов н/Д : Феникс, 2022. — 126 с. — (Школьная программа по чтению).

ISBN 978-5-222-38110-6

Александр Иванович Куприн (1870—1938) — выдающийся русский писатель-реалист. Родился в небольшом уездном городе Наровчатке (ныне Пензенская область) в семье потомственных дворян. Отец будущего писателя умер в 1871 году, через год после рождения сына. Для семьи наступили трудные времена, и мать была вынуждена отдать мальчика в сиротский пансион. В 1880 году Куприн поступил во Вторую Московскую гимназию, в 1887 году — в Александровское военное училище. Гражданской профессии у него не было, и, прежде чем взяться за перо, он поменял множество занятий. А.И. Куприн был любознательным человеком, ему было интересно попробовать себя в разных ролях. Сам он в шутку говорил друзьям, что «хотел бы на несколько дней сделаться лошастью, растением или рыбою».

Первое произведение А.И. Куприна — рассказ «Последний дебют» — было опубликовано в 1889 году, когда он был курсантом военного училища. Когда об этом стало известно начальству, Куприна посадили на два дня в карцер. Тогда он поклялся себе оставить литературные опыты и не прикасаться к перу и бумаге. Однако знакомство с Буниным, Чеховым и Горьким в конце 1890-х гг. заставило его забыть о данном когда-то слове.

Рассказы и повести А.И. Куприна невелики по форме, но удивительно ёмки по содержанию, их отличает глубокий психологизм. Автор восхищается благородством духа, чистотой души и помыслов и человека, и животных и показывает читателям, как страшно, когда человек перестает быть человеком. Так, в рассказе «В цирке» все — и сам Арбузов, и директор цирка, и доктор — знают, что выход на арену смертельно опасен для силача. И противник Арбузова, американский силач, видя, что тот нездоров, тоже не шадит его, с легкостью использует возможность уничтожить того, с кем не справился бы в обычном поединке. Красавец скакун Изумруд также становится жертвой человеческой подлости. Сильного молодого жеребца, одержавшего победу на скачках, отравили. По мнению автора, животные умеют не только чувствовать, но и порой бывают благороднее и преданнее людей. Главная героиня рассказа «Ю-ю», умная и красивая кошка, своенравна, как и все кошки. Однако когда заболел её маленький хозяин Коля, она не отходила от дверей его комнаты, пока мальчику не стало лучше.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-222-38110-6 © Оформление: Феникс, 2019
© Иллюстрация: Екатерина Буслаева, 2019

Изумруд

Посвящаю памяти несравненного пегого рысака Холстомера.

I

Четырёхлетний жеребец Изумруд — рослая беговая лошадь американского склада, серой, ровной, серебристо-стальной масти — проснулся, по обыкновению, около полуночи в своём деннике. Рядом с ним, слева и справа и напротив через коридор, лошади мерно и часто, все точно в один такт, жевали сено, вкусно хрустя зубами и изредка отфыркиваясь от пыли. В углу на ворохе соломы храпел дежурный конюх. Изумруд по чередованию дней и по особым звукам храпа знал, что это — Василий, молодой малый, которого лошади не любили за то, что он курил в конюшне вонючий табак, часто заходил в денники пьяный, толкал коленом в живот, замахивался кулаком над глазами, грубо дёргал за недоуздок и всегда кричал на

лошадей ненатуральным, сиплым, угрожающим басом.

Изумруд подошёл к дверной решётке. Напротив него, дверь в дверь, стояла в своём деннике молодая вороная, ещё не сложившаяся кобылка Щеголиха. Изумруд не видел в темноте её тела, но каждый раз, когда она, отрываясь от сена, поворачивала назад голову, её большой глаз светился на несколько секунд красивым фиолетовым огоньком. Расширив нежные ноздри, Изумруд долго потянул в себя воздух, услышал чуть заметный, но крепкий, волнующий запах её кожи и коротко заржал. Быстро обернувшись назад, кобыла ответила тоненьким, дрожащим, ласковым и игривым ржанием.

Тотчас же рядом с собою направо Изумруд услышал ревнивое, сердитое дыхание. Тут помещался Онегин, старый, но ровистый бурый жеребец, изредка ещё бегавший на призы в городских одиночках. Обе лошади были разделены лёгкой дощатой переборкой и не могли видеть друг друга, но, приложившись храпом к правому краю решётки, Изумруд ясно

учуял тёплый запах пережёванного сена, шедший из часто дышащих ноздрей Онегина... Так жеребцы некоторое время обнюхивали друг друга в темноте, плотно приложив уши к голове, выгнув шеи и всё больше и больше сердясь. И вдруг оба разом злобно взвизгнули, закричали и забили копытами.

— Бал-луй, чёрт! — сонно, с привычной угрозой, крикнул конюх.

Лошади отпрянули от решётки и настожились. Они давно уже не терпели друг друга, но теперь, как три дня тому назад в ту же конюшню поставили грациозную вороную кобылу, — чего обыкновенно не делается и что произошло лишь от недостатка мест при беговой спешке, — то у них не проходило дня без нескольких крупных ссор. И здесь, и на кругу, и на водопое они вызывали друг друга на драку. Но Изумруд чувствовал в душе некоторую боязнь перед этим длинным самоуверенным жеребцом, перед его острым запахом злой лошади, крутым верблюжьим кадыком, мрачными запавшими глазами и особенно перед его крепким, точно

каменным, костяком, закалённым годами, усиленным бегом и прежними драками.

Делая вид перед самим собою, что он вовсе не боится и что сейчас ничего не произошло, Изумруд повернулся, опустил голову в ясли и принялся ворошить сено мягкими, подвижными, упругими губами. Сначала он только прикусывал капризно отдельные травки, но скоро вкус жвачки во рту увлёк его, и он по-настоящему вник в корм. И в то же время в его голове текли медленные равнодушные мысли, сцепляясь воспоминаниями образов, запахов и звуков и пропадая навеки в той чёрной бездне, которая была впереди и позади теперешнего мига.

«Сено», — думал он и вспомнил старшего конюха Назара, который с вечера задавал сено.

Назар — хороший старик; от него всегда так уютно пахнет чёрным хлебом и чуть-чуть вином; движения у него неторопливые и мягкие, овёс и сено в его дни кажутся вкуснее, и приятно слушать, когда он, убирая лошадь, разговаривает с ней вполголоса с ласковой укоризной и

всё крихтит. Но нет в нём чего-то главного, лошадиного, и во время прикидки чувствуется через вожжи, что его руки неуверенны и неточны.

В Ваське тоже этого нет, и хотя он кричит и дерётся, но все лошади знают, что он трус, и не боятся его. И ездить он не умеет — дёргает, суетится. Третий конюх, что с кривым глазом, лучше их обоих, но он не любит лошадей, жесток и нетерпелив, и руки у него не гибки, точно деревянные. А четвёртый — Андрияшка, ещё совсем мальчик; он играет с лошадьми, как жеребёнок-сосунок, и украдкой целует в верхнюю губу и между ноздрями, — это не особенно приятно и смешно.

Вот тот, высокий, худой, сгорбленный, у которого бритое лицо и золотые очки, — о, это совсем другое дело. Он весь точно какая-то необыкновенная лошадь — мудрая, сильная и бесстрашная. Он никогда не сердится, никогда не ударит хлыстом, даже не погрозит, а между тем когда он сидит в американке, то как радостно, гордо и приятно-страшно повиноваться каждому намёку его сильных,

умных, всё понимающих пальцев. Только он один умеет доводить Изумруда до того счастливого гармонического состояния, когда все силы тела напрягаются в быстроте бега, и это так весело и так легко.

И тотчас же Изумруд увидел воображением короткую дорогу на ипподром и почти каждый дом и каждую тумбу на ней, увидел песок ипподрома, трибуну, бегущих лошадей, зелень травы и желтизну ленточки. Вспомнился вдруг караванный трёхлеток, который на днях вывихнул ногу на проминке и захромал. И, думая о нём, Изумруд сам попробовал мысленно похромать немножко.

Один клочок сена, попавший Изумруду в рот, отличался особенным, необыкновенно нежным вкусом. Жеребец долго пережёвывал его, и когда проглотил, то некоторое время ещё слышал у себя во рту тонкий душистый запах каких-то увядших цветов и пахучей сухой травки. Смутное, совершенно неопределённое, далёкое воспоминание скользнуло в уме лошади. Это было похоже на то, что бывает иногда у курящих людей, которым

случайная затяжка папиросой на улице вдруг воскресит на неудержимое мгновение полутёмный коридор с старинными обоями и одинокую свечу на буфете, или дальнюю ночную дорогу, мерный звон бубенчиков и томную дремоту, или синий лес невдалеке, снег, слепящий глаза, шум идущей облавы, страстное нетерпение, заставляющее дрожать колени, — и вот на миг пробегут по душе, ласково, печально и неясно тронув её, тогдашние, забытые, волнующие и теперь неуловимые чувства.

Между тем чёрное оконце над яслями, до сих пор невидимое, стало сереть и слабо выделяться в темноте. Лошади жевали ленивее и одна за другою вздыхали тяжело и мягко. На дворе закричал петух знакомым криком, звонким, бодрым и резким, как труба. И ещё долго и далеко кругом разливалось в разных местах, не прекращаясь, очередное пение других петухов.

Опустив голову в кормушку, Изумруд всё старался удержать во рту и вновь вызвать и усилить странный вкус, будивший в нём этот тонкий, почти физический

отзвук непонятого воспоминания. Но оживить его не удавалось, и, незаметно для себя, Изумруд задремал.

II

Ноги и тело у него были безупречные, совершенных форм, поэтому он всегда спал стоя, чуть покачиваясь вперёд и назад. Иногда он вздрагивал, и тогда крепкий сон сменялся у него на несколько секунд лёгкой чуткой дремотой, но недолгие минуты сна были так глубоки, что в течение их отдыхали и освежались все мускулы, нервы и кожа.

Перед самым рассветом он увидел во сне раннее весеннее утро, красную зарю над землёй и низкий ароматный луг. Трава была так густа и сочна, так ярко, сказочно-прелестно зелена и так нежно розовела от зари, как это видят люди и звери только в раннем детстве, и всюду на ней сверкала дрожащими огнями роса. В лёгком редком воздухе всевозможные запахи доносятся удивительно чётко. Слышен сквозь прохладу утра запах дымка, ко-

торый сине и прозрачно вьётся над трубой в деревне, все цветы на лугу пахнут по-разному, на колеистой влажной дороге за изгородью смешалось множество запахов: пахнет и людьми, и дёгтем, и лошадиным навозом, и пылью, и парным коровьим молоком от проходящего стада, и душистой смолой от еловых жердей забора.

Изумруд, семимесячный стригунок, носится бесцельно по полю, нагнув вниз голову и взбрыкивая задними ногами. Весь он точно из воздуха и совсем не чувствует веса своего тела. Белые пахучие цветы ромашки бегут под его ногами назад, назад. Он мчится прямо на солнце. Мокрая трава хлещет по бабкам, по коленкам и холодит и темнит их. Голубое небо, зелёная трава, золотое солнце, чудесный воздух, пьяный восторг молодости, силы и быстрого бега!

Но вот он слышит короткое, беспокойное, ласковое и призывающее ржание, которое так ему знакомо, что он всегда узнаёт его издали, среди тысяч других голосов. Он останавливается на всём

скаку, прислушивается одну секунду, высоко подняв голову, двигая тонкими ушами и отставив метёлкой пушистый короткий хвост, потом отвечает длинным залихватным криком, от которого сотрясается всё его стройное, худощавое, длинноногое тело, и мчится к матери.

Она — костлявая, старая, спокойная кобыла — поднимает мокрую морду из травы, быстро и внимательно обнюхивает жеребёнка и тотчас же опять принимается есть, точно торопится делать неотложное дело. Склонив гибкую шею под её живот и изогнув кверху морду, жеребёнок привычно тычет губами между задних ног, находит тёплый упругий сосок, весь переполненный сладким, чуть кисловатым молоком, которое брызжет ему в рот тонкими горячими струйками, и всё пьёт и не может оторваться. Матка сама убирает от него зад и делает вид, что хочет укусить жеребёнка за пах.

В конюшне стало совсем светло. Бородатый, старый, вонючий козел, живший между лошадей, подошёл к дверям, заложённым изнутри брусом, и заблеял, ози-

раясь назад, на конюха. Васька, босой, чеша лохматую голову, пошёл отворять ему. Стояло холодноватое, синее крепкое осеннее утро. Правильный четырёхугольник отворенной двери тотчас же застлался тёплым паром, повалившим из конюшни. Аромат инея и опавшей листвы тонко потянул по стойлам.

Лошади хорошо знали, что сейчас будут засыпать овёс, и от нетерпения негромко покряхтывали у решёток. Жадный и капризный Онегин бил копытом о деревянную настилку и, закусывая, по дурной привычке, верхними зубами за окованный железом изжёванный борт кормушки, тянулся шеей, глотал воздух и рыгал. Изумруд чесал морду о решётку.

Пришли остальные конюхи — их всех было четверо — и стали в железных мерках разносить по денникам овёс. Пока Назар сыпал тяжёлый шелестящий овёс в ясли Изумруда, жеребец суетливо совался к корму, то через плечо старика, то из-под его рук, трепеща тёплыми ноздрями. Конюх, которому нравилось это нетерпение кроткой лошади, нарочно не

торопился, загораживал ясли локтями и ворчал с добродушной грубостью:

— Ишь ты, зверь жадная... Но-о, успешь... А, чтоб тебя... Потычь мне ещё мордой-то. Вот я тебя ужотко потычу.

Из оконца над яслями тянулся косо вниз четырёхугольный весёлый солнечный столб, и в нём клубились миллионы золотых пылинок, разделённых длинными тенями от оконного переплёта.

III

Изумруд только что доел овёс, когда за ним пришли, чтобы вывести его на двор. Стало теплее, и земля слегка размякла, но стены конюшни были ещё белы от инея. От навозных куч, только что выгребенных из конюшни, шёл густой пар, и воробьи, копошившиеся в навозе, возбуждённо кричали, точно ссорясь между собой. Нагнув шею в дверях и осторожно переступив через порог, Изумруд с радостью долго потянул в себя пряный воздух, потом затрясся шеей и всем телом и звучно зафыркал. «Будь здоров!» — серь-

ёзно сказал Назар. Изумруду не стоялось. Хотелось сильных движений, щекочущего ощущения воздуха, быстро бегущего в глаза и ноздри, горячих толчков сердца, глубокого дыхания. Привязанный к конюшням, он ржал, плясал задними ногами и, изгибая набок шею, косил назад, на вороную кобылу, чёрным большим выкатившимся глазом с красными жилками на белке.

Задыхаясь от усилия, Назар поднял вверх выше головы ведро с водой и вылил её на спину жеребца от холки до хвоста. Это было знакомое Изумруду бодрое, приятное и жуткое своей всегдашней неожиданностью ощущение. Назар принёс ещё воды и оплескал ему бока, грудь, ноги и под репицей. И каждый раз он плотно проводил мозолистой ладонью вдоль его шерсти, отжимая воду. Оглядываясь назад, Изумруд видел свой высокий, немного вислозадый круп, вдруг потемневший и заблестевший глянцем на солнце.

Был день бегов. Изумруд знал это по особенной нервной спешке, с которой конюхи хлопотали около лошадей; некоторым,

Содержание

Изумруд	3
В цирке	37
Ю-ю	99

Литературно-художественное издание

Александр КУПРИН

ИЗУМРУД РАСКАЗЫ

Ответственный редактор	<i>Д. Волкова</i>
Технический редактор	<i>Г. Логвинова</i>
Компьютерная верстка:	<i>А. Патулова</i>

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 5 000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 05.2022.
Срок годности не ограничен

Отпечатано в ООО «Принт-М»
142300, Россия, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов 1 /
Корпус Производственный Б, помещение 279, этаж 4.